

«ПРЕОДОЛЕНИЕ» РАЦИОНАЛЬНОСТИ В РАДИКАЛЬНОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ

© Е. А. Богатырева

**Богатырева
Елена Дмитриевна**
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Самарского государственного
аэрокосмического
университета

Основная идея данной статьи состоит в том, чтобы поставить вопрос о рациональности в контексте радикального преодоления определяемых ею эпистемологических версий в современном конструктивистском проекте познания.

Ключевые слова: конструктивизм, аутопозис, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм, рациональность, когнитивность.

Проблема рациональности в настоящее время остается предметом острой дискуссии в философии и методологии науки. Высказываются сомнения в том, что это понятие вообще необходимо, нет согласия и в том, что считать здесь проблемой. Отсутствие единых критериев методологического осмысления этого феномена делает понятие рациональности неопределенным, его нужно постоянно пересматривать в отношении эпистемологического контекста, истории, социокультурного заказа, пытаться проектировать ее будущие трансформации. Однако сама такая необходимость есть симптом определенного кризиса той теории познания, которая опиралась на подобную концепцию. Как отмечает В. П. Филатов, если попытаться учесть все основные контексты и дилеммы, важные для этой темы (рациональность познания и практического действия, научная и вненаучная рациональность, релятивизм и универсальность, субстанционалистская и функциональная ее трактовки и т. п.), «то не получится ли в результате “рациональность без берегов”, в которой исчезнет граница между рациональным и нерациональным мышлением и поведением, поскольку любую упорядоченность в конце концов можно представить как

своего рода рациональность»¹? Обращение к конструктивистским версиям познания конца XX в. может оказаться здесь интересным. В них представлена не столько попытка переосмысления этой проблемы с учетом неклассической критики той совокупности идей и идеалов, которую иногда называют «Проектом Просвещения», сколько предложен проект исследования этого феномена (как феномена когнитивности) в контексте радикального разрыва с теоретико-познавательной традицией Нового времени, с классической и неклассической формами научной рациональности.

Понятие «рациональность», имея многовековую историю, только со второй половины XIX в. стало приобретать устойчивое содержание и сделалось предметом обсуждения. Во многом это было вызвано внутренними причинами, рассмотрением теоретического знания в его развитии, уяснением сложности и неоднозначности процедуры обоснования. С другой стороны, эпоха первоначального накопления научных фактов завершилась, потребовалась систематизация накопленного знания, и в этих условиях все большее значение приобретали вопросы упорядочения понятийного строя, терминологии, номенклатуры, совместной выработки перспектив и критериев оценок. Это могли выполнить только большие научные конгрессы, практика которых развивается именно с середины XIX в. Расширение сферы применения научных результатов, оформление права автономии у теоретической сферы, появление множества альтернативных теоретических систем, наконец, выдвижение в середине XX в. *Больших исследовательских программ* (типа ядерной, ракетно-космической, информационной, геофизической, генно-инженерной) — все это не только этапы истории науки, но и научной рациональности. Проблема рациональности выходит здесь на первый план как проблема методологической рефлексии научной организации познания. Впрочем, поистине революционные изменения в XX в. в самом характере научной деятельности сделали очевидным тот факт, что сфера науки, так как мы ее сейчас понимаем, в своей *истории* есть результат реорганизации познания, осуществленной в Новое время философами и учеными, работы которых содержали в себе *проект Новых наук*. Так «систематическое исправление всего массива человеческого знания», предложенное Бэконом, должно было опираться на новое представление о природе, особую логику, принципы постановки серий опытов и соответствующие задачи образования. И «эти мыследеятельностные и деятельностные формы не имели смысла», считает Г. Копылов, вне предложенной здесь организационной схемы².

Сегодня выдвигаются различные концепции рациональности, в том числе и наиболее востребованная в отечественном контексте концепция ее единства, позволяющая говорить о различных «формах» или «типах» рациональности, находить в них многообразные проявления единого по своей природе разума. Во многом такое «видение» рациональности есть наследие эпохи Нового времени, которая, как известно, отличалась субстанциональностью философского мышления. Именно мышление в его внутреннем самосознании, саморефлексии было тем фокусом, который должен был обеспечить единство и достоверность любой информации. С другой стороны, все научные дисциплины той эпохи исходили из существования некой единой и элементарной первоосновы в изучаемой сфере действительности. Такое «онтологическое» допущение стало возможным благодаря развитию экспериментального естествознания, которое неизбежно модифицировало само познавательное отношение человека к миру. «Новое ес-

¹ Обсуждаем статью «Рациональность» // Эпистемология и философия науки. Т. II. № 2. С. 153.

² Копылов, Г. К вопросу о природе «научных революций» // Кентавр. 2003. № 31.

тествознание, с его упрощенным, изначально детерминистским понятием каузальности, редукция всех отношений к математическим, неслыханный успех этого образа мышления в астрономии, например, а позднее, начиная с Ньютона, в механике (успех, обернувшийся крахом — технологическим крахом — лишь в XIX в.) — все это вторгается в философию, все еще полагающую, что можно схватить сущностную сторону действительности при помощи чистого познания, рассуждения и мышления³. Таким образом, подразумеваемая здесь первооснова если еще и полагалась глубоко скрытой в недрах вещей, то трактовалась все же в соответствии с ориентирами тогдашней науки, т. е. принципиально механистически (например, в виде сил или невесомого эфира). Ньютоно-картезианская парадигма познания, именуемая сегодня в качестве *классической*, имела все мотивы для закрепления субъект-объектной схемы познания, осуществленной в пределе своем Кантом, и вместе с тем имела все основания для формирования именно той формы субъективности, которая легла в основу новоевропейской науки с XVI по XX вв. Эта схема организации познания вполне отвечала утверждаемой здесь «механике тел», исключив сначала объект из системы жизненных связей с миром, а впоследствии обескровив и субъективную позицию. Через призму механицизма сама наука виделась как обезличенный познающий механизм, добывающий или производящий знания, очищенные от проявлений индивидуальных и неповторимых качеств личности.

Антиметафизический настрой, возобладавший в XIX веке и выразившийся в стремлении философии опереться не на метафизически трактуемую субстанцию, а на «единичное» как подлинную реальность, привел к заметному усилению осознания связи исследовательского метода со структурой и культурно-историческими характеристиками исследуемого объекта. Свойственное классической рациональности представление о том, что все науки пользуются единым, универсальным методом, различаясь лишь в том, в какой мере каждая из них приблизилась к осуществлению общей для всех наук цели, вытесняется на периферию самосознания науки. Впрочем, методологическая «настройка» на культурную (а вместе с ней историческую, социальную и пр.) специфику объекта оказалась чревата предметной методологической и терминологической разобщенностью знания. «Дифференциация аспектов рациональности» (Хабермас) приводит к разобщенности знания по различным департаментам. В рамках модернистского проекта эта дифференциация «была инспирирована и закатом метафизики: ослабление метафизического “тонуса” новоевропейской философии привело к размыванию университетской философской методологии»⁴. Неклассическая рациональность не только не вдохновляется идеями онтологического редукционизма, ей равно чужд и редукционизм теоретико-познавательный: представление о наиболее общих законах познания, из которых выводимы специфические познавательные процедуры, используемые в отдельных науках.

Постнеклассический этап науки все более и более отличается определением познания через фактор взаимодействия системы научного знания с генерирующей ее социально-культурной практикой. Так суть требований социального конструктивизма в момент его зарождения (70-е гг. XX в.) состояла в экстерналистском прочтении (научного) познания, что означало выведение процесса и результатов науки не из имманентных ей закономерностей (позиция интернализма), а из «внешних» (социальных) сил и дан-

³ Лобковиц, Н. От субстанции к рефлексии. Пути западной метафизики // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 101.

⁴ Смрнова, Н. М. Недостаточность целерациональности // Эпистемология и философия науки. Т. V. № 3. С. 68.

ных. Один из наиболее известных примеров на эту тему представлен в книге Б. Латура и С. Вулгара «Жизнь лаборатории: социальная конструкция научных фактов», где авторы, применяя микросоциологический анализ, доказывают, что открытый учеными новый научный факт, тирео-тропин-рилизинг-гормон, является социальным конструктом, т. е. создан практикой и взаимодействием ученых и не имеет самостоятельного значения вне этой деятельности. Другой известный пример находится в книге Э. Пикеринга «Конструируя кварки: социологическая история физики элементарных частиц». Здесь автор защищает сходную мысль о том, что кварк как научный факт ситуативен, т. е. определен социокультурным контекстом. Будь этот контекст иным, мы бы получили другую (но это не значит «неправильную») физику. Конструктивистской эпистемологии, как будет показано дальше, характерна новая трактовка объективности, а также четко просматриваемый антиредукционизм. Даже в социальном конструктивизме, вынужденном более активно преодолевать соблазн антропоцентризма, в его последних версиях выработан курс на последовательный отказ от таких констант как «общество», «культура» и «история». Это не значит, что последние совсем исчезают из анализа, это значит только одно, они более не возникают как данности, преднаходимые мыслью⁵. Полемика с интернализмом, отличающая все конструктивистские версии познания, была движением прагматизации и релятивизации научной рациональности, которая признавалась здесь **ситуативной**, т. е. исторически изменчивой, зависимой от социальных условий и конкретных форм практики. Напомню, что классические модели научной рациональности были ориентированы на «всеобщие и необходимые» компоненты знания.

Как видно уже из этих примеров, идеалы научности, следовательно, рациональные стандарты и аргументы, в течение последних двух веков кардинально меняются. Сегодня высказывается предположение, что сам разум «не представляет собой некоего начального фактора, призванного играть роль беспристрастного и безошибочного судьи. Он складывается исторически, и рациональность может рассматриваться как одна из традиций». И тогда прогресс рациональности, если он и существует, не является законом истории (А. А. Ивин)⁶. Одним из следствий является то, что разговор о типах рациональности — классической, неклассической — лишается своей базовой константы, а именно, разума (вне природного и единого). Тот выступает как фактор обеспечения конкретной культурно-исторической традиции познания, выход за пределы которой с очевидностью показали 60-70-е годы. Эти годы были переломными в развитии философско-методологических исследований науки. Именно в этот период осуществился окончательный переход от доминирования позитивистской традиции, ориентированной на идеал методологии, построенной по образцу и подобию точных естественнонаучных дисциплин, к новому видению и пониманию науки.

Сегодня разговор о науке невозможен без учета ее исторических изменений, а также воздействия на ее развитие социальных и психологических факторов. Представление о научном знании как о целостной органической системе, погруженной в исторически изменчивую социокультурную среду, можно считать основным *программным* требованием науки на современном этапе. Однако рационализация научной деятельности оказывается здесь под вопросом, она явно пробуксовывает в силу каких-то до конца

⁵ См. на эту тему работу Б. Латура «Когда вещи дают сдачи: возможный вклад “исследования науки” в общественные науки» (Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2003. № 3).

⁶ Обсуждаем статью «Рациональность» // Эпистемология и философия науки. Т. II. № 2. С. 162.

не схватываемых в рефлексии оснований научного знания, а также механизма его взаимодействия с результатами предыдущих исследований. Стало невозможно точно прогнозировать будущее науки, как и будущее той цивилизации, которую она определяет. В этом плане конструктивистские версии познания оказываются чрезвычайно востребованы в современной философской и методологической рефлексии науки, и не только тем, что они подтверждают многие ее интуитивные прозрения, но и тем, что скрывают в себе мощный резерв ее будущего развития, неизвестные еще возможности ее структурной организации, востребуют иные, неизвестные еще философской рефлексии принципы рационализации научной сферы.

В теории познания выделяют несколько «исторических» вариантов конструктивизма⁷. Как особое направление в науке, философии, искусстве конструктивизм сложился задолго до его «новой» радикальной версии. В науке и философии «старый» конструктивизм был связан с проблемой обоснования знания, восходящей еще к античной геометрии, спору Платона и Евдокса о статусе существования математических предметов. Представление о том, что «конструкции разума» образуют основу действительности, развивают Ламберт и Кант. Если для Ламберта конструктивистский опыт можно экстраполировать на все познание, то Кант сомневается в возможности перенесения такового в философию и говорит только о математике как о конструкционистской науке. На рубеже XIX-XX вв. конструктивизм получил мощное развитие в связи с проблемой обоснования науки, особенно математики. «Один из способов разрешения проблемы обоснования состоял в обращении к точным правилам и способам действий. Операционализм, инструментализм и конструктивизм были потоками этого направления». Как особый вариант можно выделить *методический конструктивизм*, который также был связан с проблемой обоснования. Его развивал Х. Дингер и его последователи. Дингер стремился применить принцип конструктивизма для построения феноменов в специализированных эмпирических областях таким образом, чтобы в каждой из них была уверенность в применяемых инструментах. Наука должна методически строиться слой за слоем: точный опыт по созданию инструментов, затем применяемых материалов, потом методичное построение пространства и времени. Таким образом должны создаваться протофизика, протохимия, протобиология и т. д.»⁸. В «новом» *радикальном конструктивизме* происходит решительный сдвиг проблематики. «В центре находится не проблема обоснования, а исследование самого процесса (биологического, нейрофизиологического, психологического) создания конструкций, которые оказываются “последней реальностью”, с которой может иметь дело человеческое познание. Центральным, таким образом, оказывается вопрос о том, как возникает знание наблюдателя о мире, который он воспринимает как свой собственный мир»⁹.

Такой сдвиг проблематики стал возможен в радикальном конструктивизме благодаря отказу от базового положения традиционной эпистемологии, которая допускала в той или иной мере соответствие знания объективной реальности. Сама проблема обоснования соответствия знания объекту являлась той основной проблемой репрезентационистского подхода к познанию, которую обозначил еще

⁷ Исторические варианты конструктивизма даются по статье А. В. Кезина «Радикальный конструктивизм: познание “в пещере”» (Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2004. № 4. С. 3—24).

⁸ Кезин, А. В. Радикальный конструктивизм: познание «в пещере» // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2004. № 4. С. 8.

⁹ Там же. С. 9.

Кант¹⁰. Американский философ Том Рокмор настаивает на том, что Кант предложил конструктивистское решение проблемы: **объект должен соответствовать знанию, а не наоборот**. Только таким образом устанавливается достоверность повторной процедуры. «По Канту, коперниковское открытие гелиоцентрической системы является лишь гипотезой, позднее подтвержденной Ньютоном. Это заявление приводит Канта к точке зрения на науку как на область синтетических суждений априори, несовместимую с нашим современным взглядом на науку как область знания, подверженную ошибкам»¹¹. Возможность априорного знания получает объяснение в том, что именно субъект конструирует объект. Итальянский философ XVII-XVIII вв. Джамбаттисто Вико выдвинул не менее радикальные идеи, отвечающие духу современного конструктивизма, когда заявил, что **наш способ конструирования мира является историей самой конструкции**. Иначе говоря, то, что может быть сконструировано в дальнейшем, определено рамками того, что сконструировано до этого. Таким образом, Вико, как считает конструктивист Э. фон Глазерсфельд, воплотил базовые идеи кибернетической теории познания, отталкивающейся от принципа возможного в установленных пределах, а не от принципа отображения или подобия.

Критикой отражательной теории сознания в XX в., как известно, занималась еще и эволюционная эпистемология. Эволюционной она названа потому, что специфически человеческая способность познавать, как и производить научное знание, считал Карл Поппер, ее известнейший представитель, являются результатами естественного отбора, и она тесно связана с эволюцией специфически человеческого языка. Все организмы — решатели проблем. Попытки разрешить проблемы заключаются в том, что порождается множество пробных теорий, каждая из которых критически рассматривается, проверяется на наличие ошибок и т. д. Этап проверки является аналогом естественного отбора Дарвина. Языковая среда помогает произвести отбор адекватных теорий, оперирование языковой моделью позволяет не обращаться каждый раз к той реальности, в которой человек живет, хотя последнее слово все равно остается за последней. То, как человек строит новые знания, Поппер представляет с позиций, соответствующих конструктивизму.

Расхождение же состоит в том, что для Поппера неприемлем релятивизм, свойственный радикальному конструктивизму, пусть с прагматических позиций, но он признает объективный характер истины, предполагающий соответствия знания объективным фактам. Познание же в конструктивистских версиях служит для организации опыта, полученного при взаимодействии с окружающим миром, а не для получения истинного знания об объектах реальности, существующих еще и как-то отдельно от субъекта. Обратим внимание на основной тезис радикального конструктивизма: **Знание, каковым его конструирует человек, не есть отражение или презентация чего-то внешнего, какой-то автономной от познающего субъекта реальности**. Внешний мир при этом не отвергается, и все же познание более не определяется репрезентационистским утверждением об объективном существовании внешнего мира. На том основании, что отвергается сама «возможность существования какой-либо позитивной онтологии в качестве источника знания, а процесс познания рассматривается исключительно как процесс конструирования de novo в противоположность возможности переноса, от-

¹⁰ В письме Герцу и в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант говорит, что еще никто не смог показать, как можно обосновать соответствие знания объекту.

¹¹ Рокмор, Том. Кант о репрезентационизме и конструктивизме // Эпистемология. Философия науки. Т. III. № 1. С. 41.

крытия, отражения или отображения какой-либо внешней реальности»¹². Это значит, что сознание субъекта более не обрабатывает полученную *извне* информацию и не разрешает *внешне* заданные проблемные ситуации. Но субъект при этом не устранен, он претерпел существенную трансформацию: познание осуществляется не неким трансцендентальным субъектом — предельной абстракцией теории познания Канта, а живым наблюдателем-человеком, вступающим во *внутренний* диалог с самим собой и другим человеком.

Расхождение эволюционной эпистемологии с Кантом состоит в том, что априорное знание трактуется здесь в более широком смысле, нежели то принято у немецкого философа. Поппер предположил, что априорное знание не только никогда не было апостериорным, но что «с исторической и генетической точки зрения все наше знание является изобретением (invention) животных и поэтому априорным с момента возникновения (хотя, конечно, не априорно верным в смысле Канта). Полученное таким образом знание адаптируется к окружающей среде путем естественного отбора: кажущееся апостериорным знание всегда есть результат устранения плохо приспособленных априорно изобретенных гипотез, или адаптаций. Другими словами, всякое знание есть результат пробы (изобретения) и устранения ошибок — плохо приспособленных априорных изобретений»¹³.

Безусловно, разговор о радикальном конструктивизме не состоялся, если бы не было кантовских априори и специфически кантовского субъективизма. Однако именно кантовский трансцендентализм здесь преодолевается, причем самым радикальным способом. Никаких допущений предельных унитарных основоположений, субъект-объектных априори, прочих инвариантов, определяющих *извне* или *изнутри* каркас знания в радикальном конструктивизме, мы уже не найдем. Это связано с довольно специфичным пониманием того, что такое «знание», «познание» и «реальность», которую более не понимают как данность, преднаходимую сознанием. Следует учитывать, что в радикальном конструктивизме не признается мировоззренческий объективизм науки, предполагающий, что наука открывает законы природы — детерминистические и симметричные во времени, существующие независимо от открывающего их человека. В нем мало что остается от традиционного сциентизма. Как отмечает Т. И. Ойзерман, наиболее близкий и понятный нам метафизический способ мышления сциентистского толка исторически «сложился в XVII-XVIII вв. как метод эмпирического исследования качественно различных явлений природы: их разграничения, описания, классификации. Из естествознания он был перенесен в философию»¹⁴. Скорее, теперь можно наблюдать перенос конструктивистского подхода в область методологической рефлексии науки как особой сферы существования человека. Этот подход вполне выражает тезис Пиаже о **конструировании реальности в процессе познания**. В радикальном конструктивизме Эрнста фон Глазерсфельда он приобретет уже эпистемологическое звучание и будет выведен на уровень философского обобщения.

Эпистемологическое ядро конструктивистских концепций могут составить положения, сформулированные Эрнстом фон Глазерсфельдом: а) **знание не обретается пас-**

¹² Цоколов, С. А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2001. № 4. С. 39.

¹³ Поппер, Карл. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000. С. 57—74.

¹⁴ Ойзерман, Т. И. Философия как история философии. СПб.: Алетей, 1999. С. 147.

сивным образом, оно активно конструируется познающим субъектом; б) функция познания носит адаптивный характер и служит для организации опытного мира, а не для открытия онтологической реальности. Эти положения обнаружат в себе пересечения со многими современными теориями познания (среди них не только эволюционная, но и прагматическая, и кибернетическая эпистемология, общая теория систем и пр.). В прагматизме радикальный конструктивизм позаимствует общий подход к знанию, предназначенному для решения конкретных задач, от общей теории систем — понятие открытой системы, которая обменивается с окружающей средой веществом и энергией (такowymi предстают все биологические объекты), кибернетика научит с позиции интердисциплинарных исследований на языке систем с обратной связью объяснять явления, происходящие в системах биологических, психологических и социальных. Знать для конструктивистов — значит уметь себя вести адекватным образом в ситуациях индивидуального или кооперативного назначения. В этом состоит основное отличие от традиционных учений, где под знанием понималась некоторая совокупность представлений субъекта об окружающей его действительности. Эпистемологическая концепция конструктивистов строится вокруг понимания знания как процесса, но следует учитывать, замечает С. А. Цоколов, что конструирование *знания* здесь будет конструированием *реальности*. «При этом речь совсем не идет о практической деятельности человека по изменению окружающей среды. И Пиаже, и Вацлавик, и Глазерсфельд говорят о конструировании реальности (действительности) *в сознании* субъекта, наблюдателя». О реальности, находящейся за пределами этого процесса, ничего достоверного сказать нельзя. Во-первых, потому, что любая действительность, доступная человеку, является его *внутренним когнитивным конструктом*, во-вторых, радикальный конструктивизм «не оставляет никакой надежды на трансцендентные обоснования знания, на Божественную реальность. Априорность когнитивных конструкций обосновывается не существованием высшей реальности (откровения), а особенностями функционирования аутопоэтических систем»¹⁵.

Концепция аутопоэза чилийских нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы во многом инициировала идеи радикального конструктивизма. Принадлежащее ей положение, что познание превращается в **непрерывное сотворение мира через процесс самой жизни**, разделяют все радикальные конструктивисты (Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик, Н. Луман), оно составляет ключ к пониманию их программы. Концепцию аутопоэза представляют даже в качестве естественнонаучного обоснования радикального конструктивизма (И. Е. Москвин), исходным пунктом которого является нейрофизиологический взгляд на человеческий мозг как на часть нервной системы, находящейся в непосредственном контакте со своим окружением. Именно этой концепции конструктивисты обязаны утверждением, что то, что мы называем знанием, познанием, наконец, сознанием, является исключительно функцией живого организма, биосистемы.

Теория аутопоэза вошла в общую исследовательскую программу, известную под названием *когнитивная наука*, которая осуществляет междисциплинарный синтез исследований в области нейролингвистики, искусственного интеллекта, когнитивной психологии, нейробиологии и эпистемологии. Эта концепция, прежде всего, ориентирована на исследование операционально-замкнутых, самовоспроизводящихся систем. Мозг рассматривается здесь как операционально-замкнутая система, порождающая когни-

¹⁵ Цоколов, С. А. Радикальный конструктивизм: эпистемология без онтологии? // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1999. № 2. С. 111.

тивно изолированный мир. Принцип операциональной замкнутости ни в коей мере не подразумевает закрытость. Речь идет об автономности живой системы, допускающей одновременно как взаимодействие ее с внешним миром, так и непрерывное саморазвитие. Саморегулируемые системы функционируют на основе принципа обратной связи: регулируют не «выход», а «вход». В конструктивистской интерпретации «выходом» является не то, что видит внешний наблюдатель, а то, что «воспринимает» сама система. Вот почему, несмотря на постоянный контакт живых организмов с окружающей средой, они остаются относительно устойчивыми по отношению к ее воздействию. Можно сказать, что аутосистемы — это системы, которые сами себя воссоздают, единственным продуктом их организации являются они же сами. Аутопоэтическая система гомеостатически поддерживает (сохраняет инвариантной) не заданную извне, а свою собственную организацию, т. е. специфицирующую ее сеть взаимосвязей. Однако организм претерпевает изменения, которые происходят *вместе* с окружающей его средой. Ни одна живая система не может быть определена отдельно от своей окружающей среды. Однако окружающая среда может только инициировать структурные изменения организма, но не специфицировать их. Согласно теории аутопоэза, нервная система живого организма «занята» поддержанием внутренних циклов жизнеобеспечения, **она не имеет какой-либо цели в своем окружении**, цель лежит *внутри* системы.

Среди исследователей мозга, внесших весомый вклад в развитие конструктивистского дискурса, особое место принадлежит нейрофизиологу Герхарду Роту. Вот как звучит конструктивистская позиция Рота в нейробиологическом контексте: «Эпистемологический конструктивизм (erkenntnistheoretischen Konstruktivismus), как я утверждаю, является неизбежным следствием конструктивной особенности нашего мозга. Мозг — согласно моему тезису — принципиально не в состоянии отражать мир; он должен быть конструктивным, причем как в силу своей функциональной организации, так и в силу своего назначения, а именно — порождать поведение, благодаря которому организм мог бы выжить в своей окружающей среде»¹⁶. Рот вносит корректировку в концепцию аутопоэза, он считает, что сам мозг не является аутопоэтической системой и функционирует за счет аутопоэза других частей организма. Будучи освобожден от функции поддержания собственного существования, он может заниматься «вещами», не имеющими прямого отношения к процессу выживания. Здесь нет возможности подробно останавливаться на логике рассуждений Рота, поясняющей различие в нервной системе процесса аутопоэза организма и процесса возникновения самореферентного нейронного возбуждения. Способность нейронной сети принимать бесконечное количество состояний, не подчиняющихся общему диктату аутопоэза, делает мозг, включая функционирующие на его основе когнитивные процессы, автономной, по сути, закрытой системой. Именно автономность, информационная замкнутость мозга (в отличие от энергетической и материальной открытости организма) лежит, считает Рот, в основе специфического функционирования человеческого мышления, а именно — *конструирования действительности*, что дает возможность планирования поступков, т. е. заниматься тем, что пока для данного организма не приносит никакой пользы. Но тогда когнитивные процессы конституируют совершенно новую область бытия, отличную от

¹⁶ Цит. по: Цоколов, С. А. Конструктивистский дискурс как философско-методологическая основа изучения когнитивных функций головного мозга (Нейробиологический конструктивизм Герхарда Рота) (Материал размещен на сайте: <http://www/circle.ru/info/52>. Дата публикации: 21 сентября 2005, 11:09).

физико-химического мира аутопоэза, другими словами, они не подчиняются ограничениям того, что мы называем «законами природы».

Отсутствие места не позволяет подробно остановиться на том, как конструируется восприятие, что оно собой представляет согласно радикальному конструктивизму. Отметим здесь только то характерное для него понимание, что формирование качеств восприятия невозможно без активного постоянного воздействия живого организма на окружающую среду. Но такого рода активность — это вовсе не манипуляции с «вещами-в-себе», т. е. объектами, которые имелись бы во внеэмпирическом мире и должны были бы мыслиться структурированными в готовом виде предметами, каковыми они кажутся познающему. Швейцарскому психологу, философу и логике Пиаже удалось показать, что пока ребенок, любое живое существо не начнут активно действовать, пробовать, они не начнут познавать. И другое условие: действующий организм не начнет познавать до тех пор, пока не наткнется на препятствие. Первая неудавшаяся попытка знаменует собой первичный акт познания. Причем это первичное знание возникает не как отображение полезных или вредных свойств у препятствия, а как запоминание образа действия, приведшего к нежелательному результату (или не приведшего к желательному результату). Восприятие человека не пассивно, ему предшествует особого рода активность, ответственная за построение знания, которую конструктивисты называют «оперированием» («operieren»), что является свойством любой когнитивной сущности, которая организует как сама себя, так и свой опытный мир.

Категоричность тезиса **познание есть образ действия** усилится, если учесть, что знанию придает организованность целенаправленный характер деятельности субъекта. Радикальный конструктивизм интуитивно исходит из предположения, что любые когнитивные события происходят в опытном мире какого-либо *целесоориентированного сознания*. Поскольку цели возникают исключительно вследствие оценок когнитивным организмом событий собственного опыта, с тем, чтобы одни повторить, а других попытаться избежать, то продукты когнитивной деятельности сознания, т. е. когнитивные структуры и конструкты, всегда, соответственно, имеют цель и оцениваются, во всяком случае, первоначально, по тому, как они этой цели служат. Когнитивные структуры, о чем всегда надо помнить, неотделимы от действия, от их использования. Но действие и использование, в понимании Пиаже и следом за ним и в конструктивистской эпистемологии, — это нечто большее, чем случайные движения или изменения, они обретают свое место лишь в контексте «активных схем». Это положение радикально отличается как от бихевиористской модели стимул-ответ, так и от линейной причинно-следственной цепи, принятой в физике главным образом ввиду того, что активные схемы являются всегда целенаправленными.

Радикальный конструктивизм верит в то, что те операции, при помощи которых человек выстраивает свой опытный мир, могут быть в значительной степени определены и что в свою очередь знание этих операций может помочь в более эффективном осуществлении этого конструирования. Выходит, что любое операциональное обращение с опытом есть привилегия особым образом здесь понятого «научного» познания, которое открывает один из возможных путей, ведущих к достижению поставленной цели и который люди сами же в определенных обстоятельствах опыта избрали. Такое знание ничего не говорит (и в принципе сказать не может) о том, сколько других возможных путей существует и в какой связи с внешним миром, миром по ту сторону человеческого опыта, находится событие, которое было определено в качестве цели. Все, с чем человек может соприкоснуться из внешнего мира, — это в лучшем смысле его границы (преграды).

Заметим попутно, что слово «когнитивное» употребляется здесь скорее так, как это принято в современной психологии, где к классу «когнитивистских» причисляют теории, которые противостоят бихевиоризму, — на том основании, что они направлены на исследование «внутренних» (и в этом смысле «когнитивных») психических процессов и состояний, тогда как психологи бихевиористов интересуют лишь «внешние» формы поведения. Поэтому понятия — рациональное и когнитивное — здесь не являются синонимами¹⁷.

Особый резонанс идеи радикального конструктивизма получили в социологии и породили здесь немало сюрпризов. Н. Луман, используя аутопоэтическую метафору и соответствующий методологический аппарат когнитивной аутопоэтической теории, направил свои исследования на построение теории социальных систем в коммуникативном измерении. Он утверждал, что система и окружающая среда не существуют как данность, а возникают в результате **операций различения**, производимых наблюдателем. Поскольку эти операции *внутренние*, система оперирует только собственными различениями. Роль элементов системы выполняют самореферентные операции, образующие самовоспроизводящуюся (аутопоэтическую) сеть. В социальной среде эту функцию выполняют **коммуникации**, которые Н. Луман понимает не в обыденном смысле, как передачу некоторой информации, но выделяет в понятии коммуникации три составляющие — информацию, сообщение и понимание. Разрыв с теоретико-познавательной традицией Нового времени здесь состоит не только в замещении понятия субъекта аутопоэтическим наблюдателем, внедренным в познание *своим* телом, но и в переводе субъект-объектных различений в различение система/окружающая среда.

Еще один сюрприз возник там, где «исследование науки и технологии» происходило с социологических позиций (образование в социологии новой подрубрики, сокращенно STS). Это поставило под сомнение основную исследовательскую стратегию обществоведов, а именно, стратегию замещать некоторый объект, относящийся, например, к религии, искусству, политике, закону, гендерным феноменам и т. д., в данном случае, природе, каким-то другим, принадлежащим обществу, т. е. выступающим уже не как подлинно объективная сущность чего-то, что именуется религией, искусством, политикой и т. д., но в качестве социальной функции и фактора. Один из ведущих представителей социального конструктивизма Латур замечает в связи с этим, что «предмет STS, будь то наука, объективность, универсальность, не похож на все прочие предметы общественных наук: он единственный не так легко допускает подмену. Потому что, с одной стороны, он выступает как объект объяснения, а с другой — как исходный пункт объяснения»¹⁸.

Новая подрубрика, добавившая к ряду «социально интерпретируемых» феноменов те, которые прежде выносились за границы социологических исследований, таких как материя, объективность, производительность, поставила под сомнение понятие об обществе, которое традиционно определяло здание общественной науки, а также прояснила, наконец, что такое естественные науки. «Социальное объяснение» природы провалилось, поскольку природные факты не вписываются в рамки социального порядка. Более смелый вывод состоял в том, что все объекты, включая природные, настолько

¹⁷ Максимов, Л. В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003.

¹⁸ Латур, Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2003. № 3. С. 22.

специфичны, что их нельзя заместить чем-то другим (например, сущность религии видеть «в опиуме для народа»). Именно здесь возникает запрет на то, чтобы прибегать к любой другой вещи, например, к социальной функции, для оправдания упорства, упрямства или неуступчивости какого-то объекта. Обнаруживается, что вещи слишком *реальны*, чтобы быть представлениями, и слишком *спорны, неопределенны, собирательны, изменчивы, вызывающи*, чтобы играть роль неизменных, застывших, скучных первичных качеств, которыми раз и навсегда оснащен универсум. Сами объекты вводят на сцену новые существа, ставят свои собственные новые вопросы, побуждают обществоведов, равно как и «физиков», переоснастить все их интеллектуальное оборудование.

Одним из результатов признания уникальной достаточности объектов явилось **превращение понятия общества из источника объяснения в следствие**. Общество не состоит из социальных функций и факторов. Оно ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено. Но тогда интерес к общественному не приводит к обществу как исходной точке интерпретации. Само прилагательное «общественный» теперь означает не субстанцию, не сферу реальности, противоположную, например, естественной, или технической, или экономической сферам, а *способ связывания* вместе гетерогенных узлов, *способ превращения* сущностей одного типа в другой. А это конструктивистская позиция.

Последствия для наук в целом и гуманитарных наук могут оказаться довольно серьезными. Это прежде всего парадигмальные последствия, которые заставляют что-то сделать со своими «привычками» и «идеалами», которым гуманитарии, зачастую не осознавая того, служат. Нет более позиции стороннего наблюдателя, которая бы позволила сказать о том, что есть «на самом деле». Либо она еще только должна быть как-то найдена. Эта трудность методологического свойства производит замешательство, в науке фиксируется ситуация, когда познание объекта либо разрушает этот объект, либо делает его бессодержательным. Похоже, для того, чтобы этого не произошло, следует усвоить вслед за конструктивистами, что то предметное содержание, которое мы извлекаем из опыта, неизбежно этому опыту и принадлежит, но никак не мифическому миру вне опыта, которым грезят «метафизические реалисты». Перекрой дисциплинарных норм, который здесь происходит, выдвигает совершенно новую задачу открытия общественными науками таких редких и ужасных ситуаций, где ни интенциональность, ни самосознание, ни способность к рефлексии не определяют более человека. Так как если бы «человеческое» более не определяло себя через внеположенность «нечеловеческому» миру вещей и наоборот.

Вопрос о том, что же происходит на самом деле, становится бессмысленным. Ведь познаваемый (конструируемый) мир, считают конструктивисты, является не чем иным, как миром нашего собственного опыта, состоящего из пережитого нами же. Но тогда невозможно обращение к идее Общества и, по аналогии, к идее Бога или вневременного Разума в качестве исходных категорий для объяснения таким образом понятого познания. Их можно отнести здесь к разряду идей-оболочек, которые возникают подобно образам букв на экране компьютера, но ничего нам не объясняют в устройстве самого компьютера. Ведь допустить, что буквы, которые мы видим на экране, находятся в самом компьютере, было бы наивно и технически неграмотно. Это, впрочем, не означает, что трансцендентные мировоззренческие системы не могут работать в рамках идеалистической философии, мифологии и богословия. Другое дело, что в радикальном конструктивизме они могут быть оправданы только в перспективе их «естественного» происхождения и как системы когнитивного порядка. Но тогда о выдвижении какой-либо *идеи*

новой рациональности говорить здесь не приходится, поскольку если таковая и возникнет, то должна быть мотивирована для процесса конструирования из такого вот особым образом понятого опыта. И это притом, что радикальный конструктивизм, казалось бы, занимается исключительно рациональным знанием. Впрочем, разговор о конструктивизме и продуцируемом им образе рациональности как одной из организованностей его идей-оболочек или системных порядков не может считаться завершенным только на стадии описания его состояния, закончиться разъяснением основных положений его эпистемологической концепции. Этот разговор требует продолжения практического свойства. Иными словами, философская теория не имеет здесь шанса сбыться в качестве посторонней процессу познания, она лишена статуса вершителя и судьи, но должна занять место *внутри* естественных наук, последовательно отказываясь от позиции реализма, характеризующей различные формы натурализма.

И последнее «предварительное» замечание. Любая методология, предложенная ввиду такой реализации, выступает опять же в качестве определенной организ(м)ации или опыта, т. е. будет включать в себя «структурный» хаос производимых здесь организованностей различного рода, но не представлять собой просто определенную совокупность знаний. Это значит, что проблема рациональности в ее классической и неклассической постановке здесь не может быть просто пересмотрена, скорее, она будет снята за ненадобностью. И потому, что она предстает как результат в каком-то не до конца схватываемом тем же сознанием опыте своего познавательного мироотношения. И потому, что сама по себе она ничего заранее не объясняет в феномене когнитивности, который открывают и исследуют конструктивисты.